

Проблема субъекта в философии Винсента Декомба

Problem of subject in the philosophy of Vincent Descombes

Кудрин С.К.

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет; магистрант направления «47.04.01 Философия»

E-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

State National Research University; Graduate student of direction «47.04.01 Philosophy»

e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема субъекта в философии Винсента Декомба. Дается краткая зарисовка этой проблемы в истории западной мысли до Декомба, показывается перспектива рассмотрения ее самим Декомбом. Выделяется особенность его подхода, анализируются достоинства и недостатки. Приводится критика этой концепции.

Ключевые слова: современная философия, философия субъекта, Винсент Декомб, схватка за субъект, субъект как дополнение агенса, субстанционализм, отсутствие субъекта, лингвистическая «прививка», Людвиг Витгенштейн, аналитическая философия.

Abstract

The article deals with the problem of subject in the philosophy of Vincent Descombes. A brief sketch of this problem is given in the history of Western thought before Descombes, a perspective for is shown its consideration by Descombes himself. The peculiarity of his approach is singled out, advantages and disadvantages of it are analyzed. Criticism of this concept is cited.

Keywords: modern philosophy, philosophy of subject, Vincent Descombes, Battle for the subject, subject as a complement of agent, substantialism, absence of subject, linguistic «vaccination», Ludwig Wittgenstein, analytic philosophy.

В качестве введения стоит отметить, что обсуждаемая в статье проблема относится к философии субъекта. Философия субъекта есть далеко не в каждом философском направлении, но там лишь, где основание берется во внутреннем (в себе), а не во внешнем (в мире). Там, где основание берется во внешнем, субъект конструируется стихийно, не из самого себя, но извне, то есть, в конечном счете, он не является самодостаточным, следовательно, нет смысла выделять отдельно его философию.

В современной западной философии проблема субъекта является, как никогда, актуальной. Это связано с тем, что: 1) современный капитализм исповедует неолиберальную идеологию, которая превозносит права человека и личностные свободы, а это тесно связано с пониманием того, есть ли субъект, и если да, то что он есть; 2) текущая антропологическая ситуация в социальной действительности капиталистических обществ эпохи постмодерна заключается в том, что человек не обладает целостным сознанием, а его сознание раздроблено, фрагментарно, мозаично [1, с. 9]; 3) у людей есть потребность знать, что отличает современного человека от древнего. Этот вопрос также тесно переплетен с обозначенной проблемой, так как считается, что современный человек полагает себя и на самом деле является субъектом; 4) в современности широко распространены исследования головного мозга и, соответственно, сознания *homo sapiens*, а они тоже непосредственно связаны с рассматриваемой темой, ибо проблема субъекта является смежной с этой темой.

Надо сказать, что до выхода в свет трактата Винсента Декомба «Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица», впервые появившегося в печати 2004 г. [2] (историю возникновения этого труда см. источник [3]), проблема субъекта имела два противоположных решения в истории западной философии. Первое решение условно можно обозначить «субстанционализм». «Субстанционализм», как видно из названия, – это подход к субъекту, в котором он является субстанцией, причиной самого себя. Он есть существующий сам по себе, независимый от чего-либо, прозрачный сам для себя, четко отделенный от объекта. К представителям этого подхода можно отнести, например, Декарта [4], Лейбница [5], Локка [6]. Второе решение условно можно назвать «отсутствие субъекта». «Отсутствие субъекта» – подход к субъекту, в котором утверждается, что субъект есть лишь иллюзия, так как в реальности он не обладает теми атрибутами, которыми должен обладать (далее эти атрибуты будут рассмотрены более подробно). Вследствие этого он провозгласил «смерть субъекта», но не всякого, а субъекта, как он понимался в западноевропейской философии Нового времени. К представителям этого подхода, например, можно отнести Лиотара [7], Барта [8], Деррида [9].

Как заметно из приведенного выше описания понимания субъекта в истории философии до Декомба, оно было диаметрально различным. Или субъект есть, и он является субстанцией, или же его нет, он является всего лишь видимостью.

Весь XX в. шла горячая схватка за субъект. Одна сторона выступала за сохранение субъекта – сторонники субъекта (Гуссерль [10], Хайдеггер [11], Сартр [12]), вторая же была за его исчезновение – противники субъекта (Фуко [13]). Казалось бы, у этих двух сторон нет общих точек соприкосновения.

Однако, как отмечает Декомб, оба подхода сошлись на том, что субъект ошибочно был задуман с теми атрибутами, которые не принадлежат ему: транспарентность и суверенность. Транспарентность (дословно) – открытость, прозрачность. Под транспарентностью субъекта разумеется некая самоочевидность для него самого, его данность самому себе. В этом отношении транспарентность выступает как необходимое условие всякой рефлексии как основания разграничения субъекта и объекта. Суверенность (дословно) – самостоятельность, независимость. Под суверенностью понимается автономное отношение субъекта как к объекту, так и к другим субъектам. Иначе говоря, субъект должен быть непосредственно данным и самостоятельным, однако, по мнению представителей обоих подходов, он таковым в действительности не является. Сам французский философ фиксирует в своем трактате это следующим образом: «С одной стороны, противники готовы выделить в философии место для субъекта, при условии, что его понимание будет приближено к пониманию человеческого опыта, что он будет расчленен, растаскан на части, непонятен сам себе, немощен, как каждый человек в отдельности. С другой стороны, яростные приверженцы субъекта утверждают, что субъект не иллюзорен, хотя в качестве уступки готовы признать, что он не существовал иначе, как в отдельных частях и смутно, и, по сути, немощен. В общем, все сходятся во мнении, что субъект был ошибочно задуман с двумя атрибутами, на которые он не имеет никакого права: транспарентность и суверенность» [14, с. 6].

Кроме того, как считает Декомб, оба эти подхода согласны в том, что философия создала один единственный концепт субъекта – это концепт субъекта, который имеет покровительство *Cogito*. *Cogito* (с большой буквы) в данном случае – это, согласно Декомбу, сумма картезианских аргументов, использующих латинский глагол *cogito* (с маленькой буквы).

Тут сразу же возникают два вопроса: 1) действительно ли существует единственный концепт субъекта? 2) что представляет собой этот субъект *Cogito*?

Декомб полагает, что пока все говорили о самом субъекте, никто так и не попытался за это время исследовать концепт субъекта как таковой. Всем показалось, что они уже обладают этим концептом, когда они говорят о субъекте. Но это было только кажимостью (так, например, по этой причине философы до Декомба отвергали концепт субъекта, обладающего

двумя атрибутами: транспарентностью и суверенностью).

Что же касается субъекта *Cogito*, то он есть субъект мыслящий. Но является ли субъект мыслящий субъектом?

И Винсент Декомб решает исследовать концепт субъекта. Он хочет поставить ему «лингвистическую прививку». Для этого он использует метод, применяемый в аналитической философии, разработанный Людвигом Витгенштейном [15]. Сам Декомб так описывает его: «Отсылка к Витгенштейну и к его грамматическим рассуждениям — это и есть тот угол, под которым мы будем смотреть на исследуемые вопросы. Мы будем рассматривать их не в теоретической плоскости, в которой им в первую очередь нужны теоретические же ответы..., а будем анализировать философские затруднения в тех случаях, когда из них можно извлечь предмет для практической философии, причем самого радикального свойства...» [14, с. 9-10].

Французский философ полагает, что главное в методе не результат, к которому он приводит, а способ принять этот результат за верный, ибо «ответ тривиален, но путь к нему — отнюдь нет» [14, с.10]. Метод, который он применяет, сам он называет «грамматическим», используя терминологию Люсьена Терньера, известного французского лингвиста. Вот что он о нем пишет:

«Нам пришлось согласиться использовать грамматический метод (употребляя такие словечки, как: позже, сейчас, еще не, затем и пр.). Этот способ называется грамматическим — без намеков на то, что ответ уже имеется в учебниках по лингвистике, но чтобы напомнить, что слова употребляются в контексте и их смысл объясняется через замену этих слов на другие. Сначала замена происходит в контексте фразы, предложения, затем в контекстах, где заменяется фраза, а затем меняется и сам контекст, чтобы понять суть языкового значения» [14, с. 10-11].

Таким образом, если схватка за субъект идет между двумя сторонами, то Декомб пытается в ней занять место ни внутри одной из них, но вне их обеих, как наблюдатель. В этом ему помогает избранный им самим метод концептуального анализа – грамматический метод, описанный выше.

Позиция, которую занимает Декомб, хороша тем, что она позволяет проанализировать достоинства и недостатки именно извне схватки и дает возможность по-иному взглянуть на проблему.

Теперь, когда был очерчен ландшафт схватки, а также сама позиция Декомба в ней, можно перейти к непосредственному пониманию Декомбом субъекта. Как же он понимает его? Он его понимает как дополнение к агенту, то есть субъект – это тот, кто производит действие [17]. «Нам задают вопрос «Кто?», и мы указываем на дополнение агенса. Когда глагол описывает человеческое действие, его субъект – субъект практический» [14, с.15]. При этом стоит уточнить, что субъект не есть агент действия, как могло бы показаться, но само это действие.

Такой субъект не то, что есть постоянно, но то, что случается. Он может быть дан как событие. Ведь событие не есть всегда сущее, но нечто происходящее.

Помимо этого, этот субъект всегда должен быть связным, иначе говоря, он обязан обладать каузальной потенцией. Это значит, что он должен быть основанием для собственных действий и иметь возможность действовать в мире, в котором господствуют причинно-следственные связи, потенциально мочь воздействовать на других связных, неся при этом ответственность за себя.

Когда мы можем идентифицировать кого-то как субъект? Когда совершается некое действие. Оно произошло, и только тогда мы можем ответить на вопрос: «Кто?» и указать, кто именно был субъектом.

Человек становится субъектом в самом своем действии, которое обозначается языком. Произведя себя внутри языка, человек начинает, в свою очередь, оказывать влияние на действие, тем самым, концепт субъекта производится своим действием. Таким образом, получается следующая схема: Действие – Субъект – Причина собственных действий. Субъект, полученный в итоге из всех, есть «бессубъектный» субъект.

Как можно рассуждать о таком «бессубъектном» субъекте? Декомб утверждает, что о таком субъекте можно рассуждать в третьем лице, а все попытки выстроить философию субъекта от первого лица некорректны. Почему это так? Как было указано выше, субъект проявляет себя в действии. Исходя из этого, встает вопрос: «Можно ли однозначно идентифицировать субъект, если пытаться мыслить о нем в первом лице единственного числа?». Ответ будет отрицательным, ибо, когда предлагается ответ: «Я», то незамедлительно возникает следующий вопрос: «Кто это я?», и тут все попытки однозначно определить субъект заканчиваются неудачно – уходом в так называемую дурную бесконечность, так как, в конечном счете, непонятно кто именно я и/или кем является это я.

Таким образом, необходимо различать понятия «Я» и «субъект». Также стоит указать на то, что помимо разведения этих понятий, надо разграничивать и иные понятия, связанные с самосознанием: «субъективность», «самость», «эго», «субъект», «себя». Это стоит сделать, так как, применив к ним грамматический метод, можно заметить, что они обозначают отнюдь не одно и то же, но разное.

Сам Декомб резюмирует это так: «Одним из результатов (*примечание авторов*: работы Декомба) станет констатация невозможности объединить в едином концепте все употребления слов «субъект», «субъективный», «самость», «эго», «я», «себя» и так далее – слов, которые философы используют, говоря о самосознании» [14, с.13].

Западная мысль прошлого (до Винсента Декомба) плохо различала эти понятия. Порой она отождествляла отдельные понятия, как, например «эго», «я», «себя», а порой смешивала их. Она «страдала от концептуальной путаницы», используя выражение Декомба. Почему так происходило? Потому что, как уже было ранее написано, философы некритически использовали концепт субъекта в силу того, что они выбирали иные подходы к нему, какие угодно (субстанциональный (Рене Декарт [4]), феноменологический (Поль Рикер [18]), психологический (Жак Лакан [19]), онтологический (Ален Бадью [20])), но не аналитические (все эти подходы относятся к континентальной традиции в западной философии), то есть, в конечном счете, это было связано с характерными особенностями избираемого ими метода.

Наконец, Декомб подходит к вопросу нужен ли нам концепт субъекта вообще или мы можем обойтись без него. И он пытается показать, к чему бы привела «философия без субъекта». Этот ход «от противного» – возможность показать необходимость в концепте субъекта. Здесь он рассматривает две различные ситуации: 1) «Язык, лишенный субъектных конструкций, может оказаться языком, в котором все глаголы "безличные" и обозначают чистое действие, событие, безагенсные действия»; 2) «...язык, в котором невозможно ничего сказать о вещах с различных точек зрения и описать ситуацию или действие с точки зрения чьего-то ее понимания или ощущения» [14, с.30].

1) Первая ситуация. Когда речь идет о бессубъектных конструкциях, конструкциях, при которых «наше описание мира будет сведено к описанию бессубъектных процессов, то есть дискурс полностью сведется к использованию "безличных фраз"» [14, с.30]. Согласно Жану-Луи Гардье, они используются тогда, «когда опыт не всегда позволяет определить объект. Когда говорится о феномене, который говорящий не может поместить перед своими глазами и изолировать «зоной внимания», он не может приписать ему и концептуальную структуру, противопоставив объект тому, что ему соответствует. Это происходит, когда мы описываем погоду или аффективные состояния, которые завладевают нами целиком и полностью [21].

В таком случае, когда глагол лишен субъекта (в данном случае это так), возникает потеря средств для обозначения агентов, то есть даже при желании нет возможности указать, кто был субъектом в том или ином случае. Подобная философия прекрасно годится для мира, состоящего из бессубъектных процессов и представляющего собой цепь разрозненных событий.

2) Вторая ситуация. Когда речь идет об интенциональных конструкциях, таких, где есть непосредственное свидетельство агента, точка зрения его. Что дают философии

субъекта интенциональные конструкции?

«Интенциональные конструкции позволяют приписать некоторым агенсам причины некоторых событий, намерения, с которыми они вмешиваются в течение вещей, представления, которые они формируют о ситуациях, цели, которые они ставят перед собой» [14, с. 36].

Декомб считает, что только с помощью языка можно передать интенциональность, а именно: «Сказать, что агент совершил какое-то действие намеренно, означает заставить его говорить, через его речь сделать очевидной цель его действия, цель, актуальную в момент действия» [14, с. 36].

В таком случае отказаться от субъекта здесь значило бы отказаться от интенциональных конструкций. Отказ от интенциональных конструкций ведет к тому, что оказывается невозможным противопоставить мое описание поведения субъекта описанию его намерения. Тем самым, наш язык был бы сильно обеднен, как было показано выше, и наоборот «определение концепта субъекта, осознающего себя агентом, который может ответить на вопрос относительно его намерений и действий, неизбежно приводит к обогащению языка, описывающего естественные действия и действия витальные, или физиологические, языком человеческого действия» [14, с.42].

Но отказ от интенциональных конструкций привел бы не только к обеднению языка, но и к тому, что не получалось бы провести различие между реальной ситуацией и ситуацией, как ее видит агент, что не давало бы возможности провести различие между реальным и существующим только в сознании индивида. Помимо прочего, как указывает Декомб: «Без интенциональных конструкций никакая атрибуция была бы невозможна» [14, с. 36].

Таким образом, на основании выше рассмотренных случаев попытки построить «философию без субъекта», Декомб делает вывод, что нам необходим концепт субъекта. Но какого именно субъекта? Субъекта как дополнения к агенту, о котором можно рассуждать только в третьем лице. Вот что сам Декомб утверждает по этому поводу: «Субъект, принадлежащий современной философии, не мыслится как сущность. Он определяется не через причинность внешних по отношению к нему изменений, но скорее через причинность изменений внутренних или, в более общем случае, через причинность отношений, который он может иметь с самим собой» [14, с. 43]. Он близок к понятию практического субъекта Аристотеля – *υποκειμενον* (дословный перевод – «подлежащее») [22]. Иной, существующий на момент написания книги «Дополнения к субъекту» Декомбом, концепт субъекта (субъект *Cogito*) он аргументированно отвергает, так как для него он является не больше, чем «понятийным заблуждением», «узлом мысли». Он приводит три основных тезиса против субъекта *Cogito*, отчасти заимствуя два из них у Фридриха Ницше [23], также как и саму аргументацию этих двух:

- 1) Мышление – это пассивный процесс; 2) Мышление – это бессубъектный процесс; 3) Мышление – это не замкнутый на себе процесс.

1) Декомб пишет: «Ницше прав в своих сомнениях относительно того, что глагол «думать» принадлежит к категории глаголов действия (во всех случаях его употребления)» [14, с. 50]. Французский мыслитель ссылается на опыт писателя как на отправную точку доказательства этого тезиса. Мысль приходит не тогда, когда хочет писатель, а тогда когда она «захочет». Писатель может сидеть несколько часов, дней, месяцев, прежде чем придет нужная мысль. Тем самым, нельзя сказать, что писатель в это время активен, что он является субъектом мысли, как и любой человек иной профессии в рассматриваемом случае.

2) Когда писатель (человек) считает себя субъектом мысли, он полагает, что и является причиной своих мыслей. Однако, по мнению Декомба (а до этого и Ницше) – это предрассудок, который заставляет нас искать агенса этих мыслей. Но если не я являюсь причиной своих мыслей, то этой причиной является нечто иное, что их порождает. Тем самым, глагол «думать» определяется в качестве глагола действия и именно поэтому возникает соблазн определить его агенса. Ницше, в свою очередь, настаивает на разумении

мышления как безличного акта, по типу описания феноменов погоды (например, «солнечно», «светает» и т.д.) – нечто думает во мне.

3) Мышление не замыкается на себе, а сводится к действию. Человек мыслит не для того, чтобы мыслить, но чтобы нечто практически осуществить с помощью него. Само мышление возникает в процессе деятельности, оно не самодостаточно.

Следуя из представленных выше тезисов и их аргументации, стоит указать на то, что субъект *Cogito* не есть субъект в понимании Декомба.

Описав место Декомба в схватке за субъект и его подход к концепту субъекта, можно перейти напрямую к критике этого взгляда (преимущества его были уже обозначены на всем протяжении предыдущей части статьи).

Как и у любой другой точки зрения, у взгляда Декомба есть определенные недостатки. Эти недостатки могут быть условно поделены на две группы: 1) недостатки позиции Декомба в схватке за субъект; 2) недостатки самого подхода французского философа. Эти две группы недочетов неразрывно между собой взаимосвязаны.

Позиция Декомба в схватке слаба тем, что, во-первых, любая позиция по какой бы то ни было проблеме, по своей сути, ограничена, так как всегда базируется на неких допущениях, которые суживают ее, а во-вторых, она не учитывает все возможные аспекты проблемы, что уже непосредственно показывает ограниченность самого избранного подхода.

Сам же подход Декомба слаб тем, что, по замечанию одного из его оппонентов, Шарля Ламора, он метафизичен. Декомб сводит все к языку, не замечая, что язык отнюдь не самостоятелен, а подчинен реальности.

Метод, используемый Декомбом, останавливается на языке, не видя за языком мир, который он описывает. Из-за этого Декомб не различает концепт субъекта и самого субъекта, таким образом, становится непонятным, как соотносится у него этот концепт и действительный субъект, есть ли между ними вообще какая-либо связь, и если есть, то какая. Кроме того, из-за этого неразличения становится неясным феномен, как открывается субъект сам себе по-настоящему, ибо язык оказывается самодовлеющей реальностью. Также Декомб не разводит язык как часть реальности и метаязык (концептуальный язык), что приводит к тому, что он сам начинает погрязать в концептуальной путанице и смешивать понятия.

Еще, по мнению Лармора, «лингвистический анализ, направленный на практики словоупотребления, не является методом, заслуживающим полного и безоговорочного доверия, язык не невинен, он всегда и заранее теоретически нагружен» [2]. Действительно, язык вырастает из определенной традиции, печать которой он несет на себе и за пределы, которой он не может вырваться.

Кроме того, для субъекта как агенса, включенного в языковые социальные практики, должно быть переопределено понятие ответственности [2]. Это означает, что субъект, включенный в языковые социальные практики, и суверенный субъект несут разную степень ответственности. Суверенный субъект – причина самого себя, он полностью ответственен за свои поступки, а, значит, и полностью свободен. В свою очередь, субъект, который вписан в языковые социальные практики, не есть причина самого себя, то есть он никак не может быть полностью ответственным за свои поступки, а, следовательно, и быть в полной мере свободным.

Продолжая критику В. Декомба, стоит удостовериться, является ли подход «грамматической критики» к субъекту действительно альтернативным. И.В. Дуденкова указывает, что «...есть эффективный инструмент и индикатор для этого – это вопрос об автономии субъекта как практике субъективации» [2].

Доказать, что грамматический метод не является альтернативным означает, что: 1) недостатки, имеющиеся в других подходах по данной проблеме, в той или иной мере остаются; 2) сама проблема субъекта остается так и до конца не решенной.

Декомб в понимании автономии субъекта опирается на теорию действия Аристотеля. «Я принимаю автономию в самом элементарном смысле, более согласующемся с первоначальным содержанием этого слова: город автономен, если он живет по собственным

законам, которые не могут быть сведены к законам глобальной империи. Понятая таким образом, автономия есть способ включения части в целое или охватывающую среду. Короче говоря, имеются действия, для которых я выступаю не случайной, но первой причиной. Агенса, который может совершать такие действия, автономен в смысле способности к самопроизвольному действию» [24, с. 77]. Здесь можно заметить тавтологичность определения автономности, даваемое Декомбом, однако для него эта тавтологичность кажется вполне применимой. «Я говорю о моральном круге, чтобы подчеркнуть, что упражнения стремятся развить у агенса способность действовать, навыки, привычки действовать, и, следовательно, некоторый обычай, которому он будет в дальнейшем следовать» [14, с. 506].

Дальше стоит привести критику, предлагаемую И.В. Дуденковой касательно этого положения. «Говоря о нраве или характере, привычке действовать, Декомб предполагает, что его рассуждения отлично согласуются с этикой Аристотеля. Однако имеются две серьезные трудности, ставящие под сомнение такую аналогию. Дело в том, что правило понимается Декомбом только в отрицательном смысле, и это доказательство непреодолимого тяготения к деонтологии. У Аристотеля действие признается не правильным или неправильным, а совершенным и несовершенным, он предлагает диапазон, а не простое отрицание [22]. У Аристотеля правила предназначены не для того, чтобы действовать, действовать необходимо для того, чтобы быть способным к добродетели [22]. Еще одно препятствие, на которое наталкивается попытка использовать для обоснования теории самопроизвольного действия философию действия Аристотеля. Проблема в том, что у Аристотеля нет унифицированного понимания воли, поэтому у него невозможно замыкание друг на друга архэ и аутоэ: невозможна интерпретация одного в строгой зависимости от другого [22]. Аристотель создает ансамбль концептуальных разделений и общих образов человеческого действия, который выглядит так: действие и претерпевание (пойэсис-патесис), действие совершенное и несовершенное (энергейя и кинесис), действие и производство (праксис-пойэсис), действие и созерцание (практика-теория), среди которых важнейшей является пара энергейя и кинесис [22]» [2].

Следовательно, интерпретация автономии Декомбом не дает возможность объяснить концепт субъекта. В основе ее лежит представление о ничем не ограниченной свободной воле, которое уже было не раз раскритиковано в истории философской мысли, в этом плане, вряд ли можно назвать его подход до конца альтернативным – другим, бывшим до него.

Тем самым, можно подвести итог под обзором концепции субъекта Винсента Декомба, утвердив, с одной стороны ее оригинальность и практичность, а с другой – доказав, что она является не настолько альтернативной, как могло бы показаться на первый взгляд, а тем самым и не решающей до конца проблему субъекта.

Литература

1. *Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. – СПб., «Алетейя», 2007. – 736с.
2. *Дуденкова И.В.* Грамматика субъективности и отсутствие субъекта [URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/du32.html](http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/du32.html) (дата доступа: 13.09.2018 г.)
3. Fouré, Lionel «Entretien avec Vincent Descombes», *Le philosophe*, 2005/2 n° 25, p. 7-20.
4. Рене Декарт Сочинения. В 2 т. Т.2 (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1989-1994.
5. Готфрид Вильгельм Лейбниц Сочинения. В 4 т. Т.2 (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1983-1989.
6. Джон Локк Сочинения. В 3 т. Т.1 (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1985-1988.
7. *Жан-Франсуа Лиотар* Состояние постмодерна. – СПб., «Алетейя», 2016. – 160 с.
8. Ролан Барт Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989 – с. 384-391

9. Жак Деррида О грамматологии. — М.: Ad Marginem, 2000. — 512 с.
10. Эдмунд Гуссерль Картезианские медитации— М.: Академический проект, 2010. — 340 с.
11. Мартин Хайдеггер Бытие и время— М.: Академический проект, 2015. — 452 с.
12. Жан-Поль Сартр Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии — М.: АСТ, 2017. — 928 с.
13. Мишель Фуко Слова и вещи— М.: Acad, 1994. — 408с.
14. Винсент Декомб Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица.— М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 576 с.
15. Wittgenstein, Ludwig Wittgenstein's Lectures on Philosophical Psychology 1946-1947 — Chicago: The University of Chicago Press, 1988.
16. Интервью с Винсентом Декомбом «Я – это всего лишь слово». URL: <http://www.psychologies.ru/people/razgovor-s-ekspertom/ya-eto-vsego-lish-slovo/> (дата доступа: 13.09.2018 г.)
17. Tesnière, Lucien Éléments de syntaxe structurale — Paris, Klincksieck, 1988.
18. Поль Рикер Я сам как другой – М., «Издательство гуманитарной литературы», 2008. — 416 с.
19. Жак Лакан Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55).— М.: Гнозис/Логос, 1999.
20. Badiou, Alain L'Être et l'Événement. — Paris: Seuil, coll.L'ordre philosophique, 1988.
21. Gardies, Jean-Louis Esquisse d'une grammaire pure — Paris: Vrin, 1975, p. 87-94.
22. Аристотель Сочинения. В 4 т: Т.1 (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.
23. Фридрих Ницше По ту сторону добра и зла – М., «Книжный клуб Книговек», 2011. — 576 с.
24. Descombes, Vincent Action, rationalité et société — Paris: PUF, 2004.